

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-2.4>

Гутова Ляна Адамовна

ИНИЦИАЛЬНЫЙ ОБРЯД И МОТИВЫ ИНИЦИАЦИИ В ФОЛЬКЛОРЕ

В представленной статье рассматривается вопрос отражения в эпосе инициации юношей в обрядово-ритуальной системе адыгов. Данный обряд призван символизировать готовность молодых людей к вступлению во взрослую жизнь, в частности, в период активного жизненного цикла, когда юноша наравне с опытными наездниками получает право отправляться в зеко, т.е. воинские и охотничьи походы, участвовать во всех видах деятельности взрослых членов общества, становится самостоятельным и обзаводится семьей. Как неотъемлемые компоненты обряда юноши демонстрируют свои умения во владении разными видами оружия, боевыми искусствами, орудиями труда, а также готовность и способность преодолевать разного рода трудности, связанные с воинским бытом или трудовой деятельностью. Уделяется особое внимание не только этнографической стороне вопроса, но и отражению обряда инициации в фольклоре: приводятся тексты из эпических сказаний, историко-героических песен, сказок, где герои проявляют качества идеального члена общества. Также приводятся тексты благопожеланий, пословиц и поговорок, приуроченные к этому обряду. В статье учитывается и принимается в качестве опоры многолетний опыт исследователей, ранее занимавшихся данным вопросом.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/7-2/4.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 7(85). Ч. 2. С. 239-243. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82; 398.3(471.64)

Дата поступления рукописи: 19.04.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-2.4>

В представленной статье рассматривается вопрос отражения в эпосе инициации юношей в обрядово-ритуальной системе адыгов. Данный обряд призван символизировать готовность молодых людей к вступлению во взрослую жизнь, в частности, в период активного жизненного цикла, когда юноша наравне с опытными наездниками получает право отправляться в зеко, т.е. воинские и охотничьи походы, участвовать во всех видах деятельности взрослых членов общества, становиться самостоятельным и обзаводиться семьей. Как неотъемлемые компоненты обряда юноши демонстрируют свои умения во владении разными видами оружия, боевыми искусствами, орудиями труда, а также готовность преодолевать разного рода трудности, связанные с воинским бытом или трудовой деятельностью. Уделяется особое внимание не только этнографической стороне вопроса, но и отражению обряда инициации в фольклоре: приводятся тексты из эпических сказаний, историко-героических песен, сказок, где герои проявляют качества идеального члена общества. Также приводятся тексты благопожеланий, пословиц и поговорок, приуроченные к этому обряду. В статье учитывается и принимается в качестве опоры многолетний опыт исследователей, ранее занимавшихся данным вопросом.

Ключевые слова и фразы: инициация; Тхашхо; ритуал; кораг – шест; нартские сказания; сказки; историко-героические песни; зеко.

Гутова Ляна Адамовна, к. филол. н.

Институт гуманитарных исследований –

филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, г. Нальчик

adam.gut@mail.ru

ИНИЦИАЛЬНЫЙ ОБРЯД И МОТИВЫ ИНИЦИАЦИИ В ФОЛЬКЛОРЕ

Воспитывая детей, адыги вкладывали в них все, что могло пригодиться подрастающему поколению в последующих этапах жизни. Это не только физическая подготовка или владение разными видами навыков (военное искусство, наездничество, разные виды физического труда и т.д.). Большое внимание уделялось и духовному воспитанию – знанию наиболее примечательных этапов истории своего рода, селения, края, мастерству исполнения произведений фольклора (песен разных жанровых разновидностей, сказаний и легенд, текстов благопожеланий и т.п.), владению танцевальным искусством и его правилами, знанию тонкостей адыгского этикета и всегда уместному его применению в социуме, правилам общения со сверстниками, старшими и младшими. Степень готовности юношей к вхождению во взрослую самостоятельную жизнь определялась в обряде инициации, который у адыгов назывался *кѳурагъ еунсей* – приставление шеста. Это был своего рода экзамен для молодых людей, достигших определенного возрастного рубежа (15-16 лет). Целью в настоящей статье мы ставим установить, как древний обряд отражается в словесной народной культуре и какие художественные приемы используются для живописания данного цикла действий.

Обряд обычно приурочивали к какому-либо празднику. К какому именно – не совсем определено. По этому поводу Г. Х. Мамбетов пишет, что проведение данного обряда выпадало на период ежегодного весеннего праздника в честь великого бога Тхашхо (*Тхъэишхуэ*), устойчиво сохранявшегося в языческих временах. «Юноша в полном снаряжении должен был показать физическую закалку в 15-километровом беге, ловкость в лазанье на гладкий столб и в борьбе, а главное, свое умение владеть кинжалом и саблей. Не выдержавший испытание не имел права жениться и должен был повторить все на следующий год» [5, с. 514]. Некоторые утверждения автора основаны, видимо, на информации единичного характера, поэтому могут быть подвергнуты сомнению. Так, вряд ли было обязательным и общепринятым устраивать бег именно на 15 километров. Речь, возможно, может идти о конном пробеге на такую дистанцию. Но бесспорно, что юноши подвергались довольно суровым испытаниям. Обряд могли приурочить не к общественному празднеству, а к возвращению воспитанника аталыком, а это происходило именно тогда, когда юноше исполнялось 15-16 лет [9, с. 111].

Во многом совпадает с этим суждением информация, записанная Я. С. Смирновой: «В среде крестьянства, – пишет она, – еще сохранявшего традиционный уклад жизни, продолжали считать, что для юноши этот возрастной рубеж наступает в 15-16 лет, когда он начинал выполнять все крестьянские работы, получая оружие, и, по адатам, мог вступить в брак» [7, с. 82]. Для проведения данного мероприятия собиралась своего рода комиссия из авторитетных представителей селения или округа. Они и определяли испытательные задания для молодых людей, затем устанавливали степень их готовности к взрослой жизни. В основном задания были связаны со знанием военного дела, правил наездничества, этикета. Устраивались конные игры, метание камней, джигитовки. Участники состязаний должны были проявить и силу, и умение обращаться с разными видами оружия (стрелять из лука или ружья), сидеть в седле, выполнять разные упражнения на ловкость во время джигитовки, метать бревно; также устраивались пробежки на ходулях до черты, установленной испытующими, и т.д. Юноши демонстрировали знание этикета – это, прежде всего, взаимоотношения между младшими и старшими, правила гостеприимства, обхождение с женщинами и стариками. К примеру, разыгрывались целые сцены, где один юноша принимал гостя, а второй провожал. Также юноши демонстрировали пространственную регламентацию положения всадников в пути: в том случае если их

трое, старший обязательно должен был находиться посередине, средний по возрасту слева, а младший – по правую руку от старшего. Сколько бы ни было всадников в одном ряду, место самого младшего было справа от старшего (предводителя) – чтобы незамедлительно выполнить его поручение. Также юноша был научен тому, что всадник должен спешиться при встрече с женщиной, взять левой рукой коня под уздцы, поприветствовать женщину, и только после того, как она пройдет, он мог продолжить свой путь [2, с. 53]. Если же всадник проезжал мимо сидящих женщин, они приветствовали его вставанием, а он обязан был в знак ответного приветствия привстать на стременах, чтобы одновременно выразить им свое почтение, в то же время вовремя миновать их, не отвлекая их и не привлекая к себе большого внимания [Там же, с. 54].

Испытуемые должны были знать во всех тонкостях и правила обхождения со старшими. Например, не следовало первым здороваться со старшим за руку или первому затевать с ним разговор. Также при пространственном расположении в любой компании старшему уделялось особое место. В закрытом помещении это был дальний угол от входа или любое наиболее удобное место, расположенное подальше от двери. На открытой местности почетное место старшего определялось так, чтобы он мог удобно сидеть и лицезреть всех присутствующих. Считалось, что сидящие за одним столом должны были быть относительно равны по возрасту и положению. Поэтому юноше не пристало садиться за один стол с отцом, дядей, старшим братом. Старшему не пересекали дорогу, его не окликали вслед, громко не говорили между собой в его присутствии.

Эти и другие атрибуты этикетного поведения в обществе юноши должны были демонстрировать на обряде инициации.

О завершении обряда адыгский писатель А. О. Шогенцуков пишет: «Ритуал посвящения в совершеннолетие завершался тем, что рядом с посвященным ставили длинный шест – кораг» [10, с. 57]. Это являлось символом успешного завершения юношей инициальных испытаний. Согласно исследованиям А. Куниной, у адыгейцев-шапсугов, долго сохранявших заметные реликты христианства, в 15-16-летнем возрасте юноша принимал активное участие в общественном молении и приставлялся к изготовленному для него кресту – «священному дереву» [4, с. 21].

По прохождении этого обряда, молодой человек становился полноправным членом общества, мог завести семью, вести свое хозяйство. В качестве поощрения юноша, отличившийся находчивостью и смекалкой, получал право сплясать с той девушкой, с которой пожелает.

В завершение обряда старшие произносили благопожелания в адрес молодых новопосвященных юношей. Вот один из текстов такого благопожелания, приуроченного к данному обряду:

*Ей хахуэу ди щIэблэ,
ГъащIибл зыгъэщIэн!
Фи хъуэхъубжъэр си щIасэщ,
Сэ жысIэнур фэркIэ махуэщ:
Махуэ жагъуэ фимыIэу,
ФиIэ фIыгъуэр здэвгуэшу,
Фи шэгъдийхэр здивгъэлъу,
Вагъуэм нэбжыр фи Iэщу,
Лыхъу нэлытэр фи щауэу,
Щыуэныгъэр фи мащIэу,
ПицIэ зыхуэфицIыр нэхъыжъу,
Фи нэхъыжъэхэр губзыгъэу,
Фи жагъуэгъухэр фIэлIыкIыу,
ФлэкIыр влэжъу, фытхъэжу,
Фи тхъэжыгъуэр гъунэниэу,
ГуцIэгъуниэ фхэмыту,
Фи лъэр щIэкIыу,
ФлэкIыр влэжъу,
Фи пицIэр уэру,
Фи къарур уардэу,
Дэрэжэгуэр фи куэду,
Фи гуэныр гъавэм къыкъутэу,
Фызэкъуэту,
Фызэтежу,
ФыжагъуэгъумыщIу,
ФыфIыгъуэ щIэкъуу,
Зы махуэр фи насыпицэу, махуицэр фи насып мину,
Фи хэхъуэр ину,
Хъуэхъур фи куэду,
Хъуэныр фи мащIэу,
Дзы къыфхуамыщIу,
ПицIэ зэхувиIэу.
Дахэу фиIэр евгъашэу,
Къафшэ нысэр фхуэмахуэу.
ФIым и гъуэгум фытету,*

**Фызыхуей гьуэгур хэфшыфу,
 Шыхульагьуэм адэкIэ фыльатэу,
 Таурыхьыжьхэр нэхуанIэу,
 Фызыхуейм фи Iэр лъэIэсу
 Фыпсэуну сохьуахьуэ [3, с. 121-123]!** /
 Эй, храбрые потомки наши,
 Те, которые <пусть> семь жизней проживут,
 В вашу честь заздравный тост приятен для меня,
 То, что я скажу, пусть на радость для вас:
 Пусть у вас горестных дней не будет,
 Чтобы добро между собой делить вы будете,
 Пусть вместе в опор ваши кони пускаются,
 Пусть сколько звезд на небе, столько скота у вас будет,
 Пусть ваши юноши сплошь героями будут,
 Ошибок мало пусть у вас будет,
 Уважать старших <пусть> будете,
 Вашим старшим почтение пусть будет,
 Пусть ваши старише мудрыми будут,
 А ваши недруги их побаиваться будут,
 Чтобы работа вам посильной и в радость была,
 А радость ваша чтоб безграничной была,
 Чтобы не было среди вас немилосердных,
 Чтобы ноги ваши вас резво носили,
 Чтобы много совершить вы успевали,
 Чтобы уважения много к вам было,
 Чтобы силы у вас большие были,
 Радости чтобы много было,
 Чтобы полными зерна ваши закрома были,
 Дружными чтобы были,
 Друг друга <в добрых делах> чтобы превосходили,
 Чтобы врагов не было у вас,
 Чтобы к хорошему вы всегда стремились,
 За один день чтобы стократно счастье к вам приходило,
 А за сто дней чтобы тысячекратно счастье к вам приходило,
 Чтобы прибыль большая была,
 Чтобы много благопожеланий <в ваш адрес> было,
 Чтобы мало порицаний было,
 Чтобы не было у вас недостатков,
 Чтобы друг друга вы уважали,
 Чтобы красавиц своих вы замуж выдавали,
 А невесты ваши чтобы светоносными были,
 Чтобы вы на добром пути были,
 Чтобы могли проложить нужный путь,
 Чтобы выше Млечного пути взлетали,
 А старые сказания чтобы доказательством служили,
 Чтобы рука ваша желаемого достигала,
 Желаю, чтобы <так> жили!

Мотив инициации присутствует в художественной форме и в нартских сказаниях, и в сказках, и в историко-героических песнях. Главный герой подвергается различным испытаниям: будь то добывание каких-либо благ для людей или добывание невесты, сражение с общим врагом и т.д. Испытуемые и успешно справляющиеся с заданием герои обнаруживают мужество, острый ум, находчивость. Это те же качества, которые востребованы в обществе при обряде инициации. К примеру, нартский герой Сосруко, появившись впервые на хасе (сборе богатырей), доказывает могучим нартам свое мужество, а те в свою очередь испытывают юношу, трижды предлагая ему выпить горячительный напиток. Но Сосруко от этого не пьянеет, а проявляет себя в танце:

Он вскочил на треногий,
 Круглый маленький столик,
 А на столике – яства,
 Кубки, чаши и роги.

Позабыл он тревоги,
 В пляс веселый пустился,
 Закрутился он вихрем,
 Блюды и чаши не касался!
 Столик слишком широкий плясуну показался [6, с. 53-54]...

Следующее испытание для эпического героя – стрельба из лука:

*...Вдруг стрела показалась,
В круглый столик вонзилась,
Середину пробила!
Огласило долину
Нартов громкое слово:
«Слава, слава Сосруко!..» –
Выступает Сосруко
И стрелу выпускает,
Разом с дерева нартов
Он сбивает колечко [Там же, с. 57]!*

Сосруко испытывают также на силу и ловкость. Это отражено в поединке с нартом Пшаей, которого он побеждает. Герой справляется и с большой величины колесом (жан-шерх), которое покатали с горы нарты.

В итоге все признают силу и мужество Сосруко и приглашают его на хасу. Только после успешного завершения испытаний он становится полноправным членом богатырского собрания-хасы:

*Эй, введите вы Сосруко
Под руки на хасу нашу!
Чашу мужества вручите,
Посадите вы Сосруко
На почтеннейшее место [Там же, с. 62-63]!*

Испытания Сосруко на этом не заканчиваются. Жизнь героя – это бесконечные препятствия, которые он должен преодолевать. Это отражено в сказании о том, как Сосруко добыл красавицу Бадах. Отец девушки испытывал на мужество всех претендентов на руку дочери, и Сосруко не стал исключением. Здесь проявляются не только мужество и находчивость героя, но и сила его коня Тхожея, который разгоняет богатырских коней-альпов и занимает почетное место у коновязи.

Одним из заданий, выполненных нартом Сосруко, было выдергивание из земли пики Бадыноко, которая была так велика и тяжела, что ее невозможно было поднять и внести в дом. Далее он демонстрирует меткость своей стрелы. Но старый Джиляхстан вновь испытывает героя, велел станцевать на семи кучах из колючего терновника, а красавица Бадах в это время подыгрывает на гармони для Сосруко. В итоге отважный нарт завоевывает руку девушки, чем испытание и завершается [Там же, с. 103-112].

Мотив испытания отражен и в сказаниях о нарте Шауе. В статье, посвященной инициации этого нарта, М. Ф. Бухуров пишет: «Больше всего следы мотива испытания героя прослеживаются в сюжете о героическом сватовстве Шауея, который основан на мотивах испытания холодом, мощным голосом, огромным следом, холодной едой и обильной пищей и т.д. <...>

Испытав Шауея вышеуказанными способами и убедившись в его силе, братья нарты предлагают ему руку сестры» [1, с. 114-115].

В фольклоре мы находим не прямое, а эстетически переосмысленное отражение инициальных испытаний. Они в эпических сказаниях уже не являются частью обряда, а становятся важным фактором художественного повествования. Сопоставление этнографических сведений с содержанием фольклорных нарративов позволяет предположить, что обряд не включает всего цикла испытаний, связанных с инициацией. Ему предшествуют не только процесс обучения, но и проверка испытываемого в настоящем деле (например, в походе, наезде – зеко). Как пишет Л. С. Хагожева, молодой человек обязательно должен был отправиться в зеко вместе с опытными наездниками «с целью подтверждения его статуса мужчины-рыцаря, приобретения личной славы» [8, с. 85]. Следовательно, процедура инициации – это явление, протяженное во времени, и некоторые ее компоненты предшествуют самому обряду, который окончательно завершает серию испытаний, что отражено и в поэтических текстах.

Список источников

1. Бухуров М. Ф. Мотивы инициации в цикле нарта Шауея // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2016. № 4/31. С. 112-118.
2. Гутов А. М. Этюды о кавказском этикете. Нальчик: Эльбрус, 1998. 128 с.
3. Кардангушев З. П. Адыгские благопожелания. Нальчик: Эльбрус, 1985. 140 с.
4. Кунина А. Религиозные пережитки у черкесов-шапсугов. Материалы шапсугской экспедиции в 1939 г. // Семейные обычаи и обряды шапсугов. М.: МГУ, 1940. С. 19-22.
5. Мамбетов Г. Х. Об одном языческом обряде адыгов // Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института. 1974. Т. 17. С. 510-524.
6. Нарты. Адыгский эпос / под общ. ред. А. М. Гудова. СПб.: Вита – Нова, 2017. 632 с.
7. Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. М.: Наука, 1983. 263 с.
8. Хагожева Л. С. Черкесское наездничество «ЗекIуэ» в традиционном образе жизни черкесской знати // Научные известия. 2016. № 3. С. 83-88.
9. Хакунов М., Черкесов А. Адыги и их обычаи. Майкоп, 2000. 352 с.
10. Шогенцуков А. О. Добрые обычаи народа // Наука и религия. 1967. № 4. С. 1-57.

INITIATION RITUAL AND MOTIVES OF INITIATION IN FOLKLORE

Gutova Lyana Adamovna, Ph. D. in Philology

*Institute for the Humanities Research – Branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Centre
of the Russian Academy of Sciences, Nalchik
adam.gut@mail.ru.*

The article analyzes how Adyghe youngsters' initiation ritual is represented in the epos. The mentioned ritual is intended to symbolize young people's readiness for adulthood, in particular, for the active life cycle period when the youngster acquires a right to participate in military or hunting campaigns (zeko) together with experienced riders, in all kinds of the adult community members' activity, to become independent and to settle down to married life. The ritual presupposes that youngsters should demonstrate their weapon, martial arts skills, usage of tools and readiness and ability to overcome the difficulties associated with the warrior's everyday life or labour activity. The paper considers not only the ethnographic aspect of the problem but also the representation of the initiation ritual in folklore: the author provides the fragments of epic legends, historical-heroic songs, fairy tales, where heroes manifest the qualities of an ideal society member. The article also presents a list of occasional well-wishes, proverbs and sayings. The study is based on the long-term experience of previous researchers.

Key words and phrases: initiation; Thashxue; ritual; korag (pole); Nart sagas; fairy tales; historical-heroic songs; zeko.

УДК 8; 82.0

Дата поступления рукописи: 23.04.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-2.5>

В статье ставится задача проанализировать и типологически обобщить сформированные отечественными и зарубежными литературоведами XIX – начала XXI века определения «фантастического» как категории поэтики художественного произведения. Выделяются три группы трактовок данного феномена: узко семантическая «сумеречная», полисемантическая «буквализованная» и хаосово-понятийная «синкретичная». Устанавливается, что ключевым условием при выработке дефиниции «фантастического» должен стать целеполагающий фактор введения писателем «ирреального» в художественную ткань произведения. Предлагается собственное определение понятий «фантастика» и «фантастическое».

Ключевые слова и фразы: фантастика; реальное; фантастическое; чудесное; сверхъестественное; необычайное; сумеречность; буквалистичность; синкретизм.

Кривоус Татьяна Владимировна

*Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток
t.krivous@mail.ru*

ПОНЯТИЕ «ФАНТАСТИЧЕСКОЕ» КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОЙ РЕФЛЕКСИИ

Выработка дефиниции «фантастическое» является одной из самых давних терминологических проблем. Предпосылки к ее разрешению предпринимались литературоведами и философами задолго до появления в науке терминов «фантастика» и «фантастическое». Толкования данных номинаций на страницах отечественных словарей появились лишь в XX веке, в то время как предпосылки теории «фантастического», по справедливому замечанию В. Н. Захарова, были сформированы уже Аристотелем [4]. Между тем, несмотря на внушительный фонд работ, посвященных исследованиям в области фантастиковедения, и полифонию литературоведческих толкований фантастического, общепризнанное определение данного феномена на сегодняшний день не найдено.

Мы рассмотрим понятие «фантастическое» сквозь призму фундаментальной концепции его осмысления, а именно – как категорию поэтики художественного произведения. В связи с тем, что границы фантастического необычайно размыты, что обусловлено его полисемантической природой, мы предлагаем основные положения обозначенного подхода разделить на группы.

Первую (узко семантическую) группу определений мы именовали как романтически-ориентированную или «сумеречную» (Ю. В. Манна) [11]. Ее составили толкования фантастического как лиминального явления, о реальной или вымышленной природе которого невозможно сказать определенно.

Зародившись в эпоху романтизма главным образом благодаря концепции «чудесного» Ж.-П. Рихтера, «сумеречный» подход к изображению фантастического стал излюбленным для авторов так называемой «таинственной» прозы – жанра, появившегося в литературоведении 20-30-х гг. XIX века. С тех пор исследование фантастического как «сумеречного» феномена проводилось учеными XIX – начала XXI века в рамках концепции немецкого теоретика. Вместе с тем отметим, что в некоторых литературоведческих трактовках фантастического характерная для «сумеречности» двойственность восприятия ирреального несколько трансформируется и выходит за рамки поэтики романтических произведений. Обратимся к исследованиям.

Впервые специфика «сумеречного» изображения фантастического была изложена Ж.-П. Рихтером в «Приготовительной школе эстетики» (1804 г.). Такой способ предъявления «чудесного», когда «поэт и не разрушает чуда, и не оставляет его противоестественно в пределах физического мира», Рихтер называет единственно